

КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ» В СУЖДЕНИЯХ СОВЕТСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ КРИМИНАЛИСТОВ

И.В. Упоров, д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор

Р.Ш. Хамташу, соискатель

Российская академия естествознания

(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2025-2-3-282-288

***Аннотация.** В статье исследуются некоторые теоретические аспекты такой важной уголовно-правовой категории, как общественная опасность. Отмечается, что в юридической литературе эта тема была и остается актуальной, поскольку имеется немало вопросов, требующих своего осмысления. Анализируются научные публикации как советских ученых, так и правоведов постсоветской России, что в совокупности фактически является продолжаемой несколько десятилетий научно-правовой дискуссии. Отмечается, что по-прежнему, как и раньше, спорными являются приоритетные признаки общественной опасности (в частности, что брать за основу в трактовке общественного деяния – само деяние или личность совершившего деяния). Обосновывается авторская позиция по формулировке понятия общественной опасности и сущности этой уголовно-правовой категории.*

***Ключевые слова:** уголовное право, общественная опасность, личность преступника, формальный состав преступления, криминализация.*

Общественная опасность деяния как правовая категория имеет важнейшее значение в уголовном праве, являясь методологическим инструментом, определяющим оценку деяния с точки зрения того, является ли оно преступным, и если да, то какова его тяжесть. Именно общественная опасность закладывается в основу понятия преступления (ст. 14 УК РФ [1]). И в целом в уголовном законе общественной опасности уделено немало внимания. В УК РФ термин «общественная опасность» встречается более двадцати раз. Однако, несмотря на столь высокую значимость данной категории, в УК РФ она не находит необходимого законодательного регулирования, в частности, отсутствует дефиниция общественной опасности либо другие нормы, отражающие важность этой категории, и прежде всего с точки зрения понятия и содержания. Соответственно указанные и смежные с ними положения требуют такого уровня научного осмысления, которое должно быть достаточно для того, чтобы они могли эффективно использоваться в процессе правоприменения. Пока же такой достаточности нет, причем такое положение отмечалось еще несколько десятилетий назад, в частности, П.А. Фефелов отмечал, что ни социальная сущность общественной опасности, ни ее

структура еще не нашли достаточной полноты исследования в уголовно-правовой науке [2, с. 15]. И такое положение сохраняется до сих пор.

В этой связи представляется целесообразным сделать обзор суждения как советских криминалистов, так и правоведов постсоветской России, и по ходу изложения будет определяться авторская позиция по данной проблематике. Поскольку суждений очень много, то рассмотрим наиболее характерные, на наш взгляд, позиции ученых о сущности и содержания категории общественной опасности. Так, А.И. Марцев расценивает эту категорию как научную абстракцию, являющуюся предметом уголовно-правовых исследований [3, с. 152]. С «абстрактностью» можно, очевидно, согласиться в рассматриваемом контексте, поскольку любое понятие в той или иной степени является таковым, однако ограничиваться только этим, на наш взгляд, недостаточно, учитывая, что речь идет деяниях, которые совершаются в объективном мире, имеют материальную составляющую, соответственно есть все основания ставить вопрос об оценке деяний, которые нарушают установившийся в обществе порядок, и в данной оценке общественная опасность имеет важнейшее значение, которое необходимо от-

разить в уголовном законодательстве. По мнению Ю.И. Ляпунова, следует категории общественной опасности придать уголовно-правовой смысл и в уголовном праве вести речь об «уголовно-правовой общественной опасности деяния» [4, с. 39]. Этот известный советский криминалист определяет уголовно-правовую общественную опасность как определенное объективное антисоциальное состояние деяния, которое обуславливается всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков, и которое, соответственно, включает в себе возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона [4, с. 40]. Однако при такой трактовке, на наш взгляд, не усматривается специфики преступления как вида правонарушения, поскольку указанное определение может быть применимо, очевидно, ко многим видам правонарушений.

Соответственно, как нам представляется, должна быть некая грань, которая в уголовном законе должна отделять общественную опасность от общественной неопасности (здесь, по логике, следовало использовать термин «общественная безопасность», однако этот термин уже устоялся и он применяется законодателем в ином контексте, в том числе и прежде всего в самом уголовном законе, и мы полагаем, что с целью избежать путаницы и наложения смыслов более целесообразен термин «неопасность»). В этой связи заметим, что в свое время (первая половина 1990-х гг., когда обсуждались проекты УК РФ) высказывалась мысль о том, что целесообразно отказаться вообще от уголовно-правовой категории общественной опасности при формулировании понятия преступления, взяв за основу формальное понятие преступления, при этом указывалось на то обстоятельство, что общественная опасность как уголовно-правовая категория сама по себе устарела, изжила себя, обретя некий декларативный и даже политизированный характер (имеется в виду, что данный признак преступления активно использовался советским законодателем, а в 1990-х гг., как известно, доминировала общая позиция об отказе от «советского тоталитарного прошлого»), в связи с чем необходимо отказаться от социальной характеристики и соответственно сосредоточить внимание на описании сугубо правовых признаков пре-

ступления как уголовно-наказуемого деяния [5, с. 219]. Однако прежняя позиция советского законодателя и советских ученых (общественная опасность как обязательный признак преступления) настолько фундаментально была обоснована, что мысль об отказе от этой категории в уголовном праве находит минимальную поддержку.

Основная и наиболее содержательная дискуссия и соответственно основные уголовно-теоретические характеристики общественной опасности как уголовно-правовой категории нашли отражения в работах отечественных ученых 1960-1980-х гг. И хотя, разумеется, суждения высказывались и раньше (реже), и позже (значительно чаще) отмеченного временного периода, именно в его рамках были сформированы теоретические основы данной уголовно-правовой категории, нашедшие отражение в действующем уголовном законодательстве. Вместе с тем разброс мнений относительно понятия и сущности общественной опасности как признака преступления по-прежнему наблюдается довольно широкий. Так, с точки зрения Г.В. Тимейко, сущность общественной опасности необходимо выводить из непосредственного увязывания с действием (бездействием) физического лица, поскольку именно в этом (то есть в действии или бездействии) проявляется посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения [6, с. 36]. Интересным представляется подход, который использует А.Н. Трайнин. Этот известный криминалист полагает, что общественную опасность в уголовно-правовом смысле следует расценивать не как закрепляемый в уголовном законе признак преступления (равно как состав преступления), а как свойство преступления, присущее ему имманентно и, следовательно, не нуждающееся в уголовно-правовом регулировании [7, с. 63]. Такого рода признаки этот ученый полагал предпосылкой, условием наказуемости. Однако данный подход не нашел поддержки научной общественности и соответственно, законодателя. Вероятно, это произошло по той причине, что указанный ученый излишне усложнил характеристики общественной опасности как уголовно-правовой категории, хотя, бесспорно, такого рода трактовка имеет самостоятельный научно-теоретический интерес.

Важным представляется субъективный фактор общественной опасности деяния. Речь идет о том, что само объективирование общественной опасности в уголовно-правовом смысле должно осуществляться как результат соответствующих действий (бездействий) конкретных вменяемых и дееспособных физических лиц, и в данном контексте Н.Д. Дурмановым указывается, что преступление представляет собой «действие, совершенное под контролем сознания», и соответственно общественная опасность деятеля, обладателя такого сознания, представляет основное содержание преступления» [8, с. 131]. Однако с такой позицией трудно согласиться, поскольку основу содержания преступления составляют все же действия (бездействия) человека, за совершение которых предусматривается соответствующее уголовное наказание, а не «искривленное» сознание лица, совершающего деяние. При этом, хотя, общественная опасность, разумеется, непосредственно связывается с действиями (бездействиями), но она не может быть отождествлена с ними. Но вопрос остается дискуссионным, причем как на доктринальном, так и на законотворческом уровнях. В этой связи Ю.С. Караваева отмечает, что анализ пояснительных записок к законопроектам, а также текста уголовного закона позволяет говорить об очевидном акцентировании законодателем внимания на фигуре деятеля в числе прочего посредством придания его личностным свойствам значения криминообразующего признака, в том числе единственного; это имеет место в деяниях с признаками административной и уголовно-правовой преюдиции, а также в ст. 210.1 УК РФ, что в целом указывает на учет законодателем общественной опасности деятеля, обусловленной его личностными свойствами [9, с. 263].

Вместе с тем в приведенных выше суждениях кроется достаточно дискуссионная посылка, которая заключается в вопросе о том, можно ли говорить об общественной опасности деяния, если оно не криминализовано? По мнению Э.С. Тенчова и В.С. Прохорова, сначала законодатель оценивает опасность того или иного деяния, и уже потом вводит ответственность за его совершение в Особенную часть уголовного закона, то есть общественная опасность здесь на первом плане [10,

с. 54]. А.В. Наумов, напротив, считает, что приоритет должен быть за формальной криминализацией деяний, на основании которой «правоприменитель изучает вопрос о степени опасности соответствующего деяния» [11, с. 118].

Очевидно, здесь имеет место не столько содержательный, сколько методологический аспект. И в этом смысле заслуживают внимания две наиболее характерные противоположные позиции. Так, А.А. Пионтковский указывает на то, что общественная опасность находит свое выражение в том, что соответствующее деяние признается наказуемым. Вместе с тем возможны такие случаи, когда некое действие может отвечать внешним признакам преступления, однако, по существу, такое деяние может не считаться общественно опасным. Такого рода случаи могут быть связаны, например, «в силу социально политической обстановки или в связи с отсутствием вредных последствий» [12, с. 39]. Нельзя не видеть, что сама постановка вопроса в данном ракурсе небесспорна. На это обратил внимание Ф.Н. Сотсков, который уточняет, что наказуемым всегда являются конкретные действия (бездействия), а само наличие в них признака общественной опасности есть ни что иное как «предпосылка к формированию запрета» и соответствующего включения состава данного деяния в Особенную часть уголовного закона, при этом пределы наказания за совершение данного деяния должны устанавливаться в зависимости от степени и характера общественной опасности, которые согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ должны учитываться судом [13, с. 29]. Как представляется, здесь соприкоснулись два подхода, основывающиеся на различных методологиях. В первом случае (позиция А.А. Пионтковского) речь идет о сугубо теоретических конструкциях, предположениях и допущениях – если нет вредных последствий деяния, то нет и общественной опасности данного конкретного деяния. Но такой подход, как представляется, не может быть продуктивным, поскольку с неизбежностью приводит к схоластичности, в то время как в уголовном праве последовательность причин и последствий имеет решающее значение. И в общем случае коль скоро состав деяния указан в Особенной части уголовного закона, то его совершение не может не быть

общественно опасным, иначе его просто не было бы в Особенной части уголовного закона, который, будучи нормативно-правовым актом, вбирает в себя наработанные вековым опытом общественно-государственные оценки того или иного поведения за определенный период функционирования социума с точки зрения его вредности для общественных отношений и выработки соответствующих мер по нейтрализации такого поведения.

И соответственно совершение данного деяния не может не иметь вредных последствий. Эти последствия могут быть минимальны, и даже внешне их как будто бы может и не быть (например, лицо может умышленно уничтожить чужое имущество и тут же компенсировать его стоимость или же заменить идентичной вещью). Однако это не значит, что нет преступления – оно совершено, оно окончено, виновный совершил уголовно-наказуемые действия, и государство в лице соответствующих органов обязано привлечь его к уголовной ответственности, выразив тем самым порицанию таким действиям. При этом наказание может быть и не назначено в силу отсутствия какого-либо реального ущерба для потерпевшего, но общественная опасность деяния уже была проявлена действиями виновного.

В этой связи высказываются суждения по поводу общественной опасности преступлений с так называемым формальным составом. Н.А. Колоколов приводит пример с наградным пистолетом, которым был награжден офицер российской армии, который потерял документы на это пистолет, хранившийся в служебном сейфе; этот сотрудник был осужден за незаконное ношение огнестрельного оружия, и автор указывает, что «даже крупные специалисты не всегда в состоянии объяснить, в чем заключается опасность приобретения, хранения и ношения оружия, если это оружие не предназначено для совершения противоправных действий» [14, с. 16]. И далее этот автор задается вопросом: «Где же здесь общественная опасность содеянного?». Попробуем ответить. Для этого очень важным представляется сначала определить теоретические и правовые источники, на базе которых делаются оценки, то есть при формулировании понятия общественной опасности деяния в уголовно-правовом смысле необхо-

димо уточнение исходной методологии, на основе которой это делается, то есть, исходя из чисто теоретических (доктринальных) позиций или сложившегося и действующего уголовного законодательства. В первом случае (теоретические рассуждения) могут быть любые допущения (степень их целесообразности определяется соответствующими аргументами субъекта доктринального толкования); во втором случае (применение правовых норм) допущения сводятся к минимуму и не могут выходить за рамки, определяемые нормативно-правовыми актами. И в данном примере, на первый взгляд, ношение служебного огнестрельного оружия с ведома и разрешения руководства, даже с учетом непредставления документов на приобретение наградного пистолета, не представляет общественной опасности – ведь из этого оружия не было произведено выстрелов, причинивших вред здоровью или уничтожение (порчу) чужого имущества, то есть, как при классическом формальном составе преступления, отсутствуют вредные последствия материального характера.

Однако такой подход допустим лишь с позиций теоретических (доктринальных) рассуждений, когда рассматривается сущность явлений без жестко заданной формы. С правоприменительной же точки зрения ситуация кардинально меняется, и форма (нормы права) здесь выходят на первый план. Есть конкретные нормы уголовного закона (ст. 222 УК РФ), которые запрещают незаконное ношение огнестрельного оружия, причем законодатель не делает никаких оговорок по поводу того, с какой целью лицо носило при себе оружие, и в этом смысле указание Н.А. Колоколова на то, что данное оружие не было предназначено для противоправных действий представляется некорректным, поскольку никоим образом не влияет на квалификацию деяния, а может быть только лишь учтено при определении меры уголовной ответственности. При этом общественная опасность незаконного ношения огнестрельного оружия, как представляется, заключается в создании такой ситуации, когда возникает угроза применения оружия с общественно опасными последствиями, так как лицо, при котором незаконно находится оружие, с большей долей вероятности может применить его с такими последствиями, чем

лицо, при котором оружие находится на законной основе.

Поэтому приведенный выше вопрос Н.А. Колоколова – это вопрос теоретического (доктринального) характера. М.Т. Тацилин в этом смысле выделяет социально-философский аспект общественной опасности и юридический аспект общественной опасности, где социально-философский аспект связывается с «исходным и фундаментальным» основанием для формирования вообще понятия преступления, а юридический аспект связывается с закреплением представлений об опасности деяния в законе, где «квинтэссенция общественной опасности заключается в формулировке объективной стороны» [15, с. 31]. И если воспользоваться данной терминологией, то рассуждения Н.А. Колоколова следует оценивать в социально-философском, а не юридическом аспекте. Если, предположим, что его суждения окажутся убедительными, будут поддержаны законодателем и облекутся в соответствующую формулировку в уголовном законе и иных правовых актах о том, что ношение наградного оружия представителем силовых структур при потере разрешительных документов, но с разрешения непосредственного руководителя, не составляет состава преступления, то есть не является общественно опасным, то тогда этот вопрос приобретет правоприменительный (юридический) характер с соответствующими правовыми последствиями, то есть произойдет оптимизация криминализации (декриминализации) общественно опасных деяний [16; 17 и др.] Поэтому общественная опасность деяния вполне охватывается и так называемыми формальными составами преступлений без объективирования общественно опасных последствий, и заключается в создании ситуации, в которой возрастает вероятность совершения деяния с материальным составом. И здесь, очевидно, уместным будет привести мнение такого авторитетного ученого, как М.С. Строговоич, который писал, что общественная опасность – «настолько серьезное понятие, что применять его к любым неправомерным действиям нельзя» [18, с. 190].

Общественная опасность как уголовно-правовая категория имеет довольно сложный характер, и выше затронут лишь некоторые аспекты. Следует согласиться с тем, что в науке до сих пор не выработан доминирующий взгляд на природу общественной опасности, ее место и роль в структуре уголовно-правового знания и правоприменения, в частности, это касается вопросов о правовых границах общественной опасности, соотношении принципа законности с социальными основаниями уголовной ответственности, соотношении понятия вреда с общественной опасностью, об определении качества преступления [19, с. 59]. Изложенное позволяет констатировать, что значимость категории общественной опасности деяния для уголовного права определяется прежде всего тем, что она является методологическим инструментарием, позволяющим оценить его с точки зрения относимости к разряду преступления и степени его тяжести. На основании приведенных рассуждений можно сформулировать следующее понятие общественной опасности деяния как признака преступления – это состояние общественных отношений, возникшее в результате совершения (или создания реально-потенциальной угрозы совершения) деятелем действий (бездействий), противоправно и чрезвычайным образом нарушающих сложившиеся в обществе и охраняемые уголовным законом ценности, характеризующееся наиболее тяжелыми социально-негативными последствиями таких действий (бездействий), в том числе физическими, моральными, душевными страданиям как потерпевших, так и иных лиц, материальным ущербом и иной формой вредоносности. Сущность общественной опасности деяния заключается в причинении общественным отношениям вреда такой степени, которая вынуждает государство применять к лицу, совершившему такое общественно опасное деяние, наиболее жесткие меры принуждения в виде уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Библиографический список

- 1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Фефелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности: Основные методологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1972.
3. Марцев А.И. Общественная вредность и опасность преступления // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 151-155.
4. Ляпунов Ю.И. Категория общественной опасности как универсальная категория уголовного права. – М., 1989.
5. Уголовное уложение вместо Уголовного кодекса / Дашков Г.В. и др. // Записки криминалиста. – 1993. – № 1. – С. 217-221.
6. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1977.
7. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
8. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М., 1948. – С. 131-132.
9. Караваева Ю.С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пени-тенциарная наука. – 2024. – № 3. – С. 263-271.
10. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Издат. ВолтКлу-вер, 2005.
11. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. – М., 1996.
12. Пионтковский А.А. Учение о преступности по советскому уголовному праву. Общая часть. – М.: Госюриздат, 1961.
13. Сотсков Ф.Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
14. Колоколов Н. Наградной пистолет: «выстрел» в хозяина // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 15. – С. 16-17.
15. Тащилин М.Т. Проблема учета судом общих начал назначения наказания // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 29-33.
16. Топорова М.С., Монахова Л.В. Криминализация и декриминализация деяний, предусмотренных разделом IX УК РФ // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 330-332.
17. Карпов К.Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 133-140.
18. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М., 1966.
19. Мирошниченко Д.В. Теоретико-методологическое обоснование общественной опасности деяния в уголовном праве // Lex russica. – 2024. – № 10. – С. 59-76.

**CATEGORY «PUBLIC DANGER» IN THE OPINIONS
OF SOVIET AND MODERN CRIMINALISTS**

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*

R.S. Khamtahu, *Applicant*

Russian Academy of Natural Sciences

(Russia, Krasnodar)

Abstract. *The article examines some theoretical aspects of such an important criminal law category as public danger. It is noted that this topic has been and remains relevant in legal literature, since there are many issues that require their understanding. Scientific publications of both Soviet scientists and legal scholars of post-Soviet Russia are analyzed, which together actually constitutes a scientific and legal discussion that has been going on for several decades. It is noted that, as before, the priority signs of public danger are still controversial (in particular, what to take as a basis in the interpretation of a public act – the act itself or the personality of the person who committed the act). The author's position on the formulation of the concept of public danger and the essence of this criminal-legal category is substantiated.*

Keywords: *criminal law, public danger, personality of the offender, formal composition of the crime, criminalization.*